

Нин Ли повернул голову на звук. За галереей стоял монах в поношенном сером подряснике. Опираясь на металлический посох, он замер у балюстрады так тихо, словно соткался из самого воздуха.

Свиток открывался ветвью цветущего абрикоса. В тот далекий день наверняка сияло ласковое весеннее солнце, теплый ветер гулял по дорогам, осыпая путников нежными лепестками.

Этот буддист, по-видимому, принадлежал к обители храма Цзяньчу. Услышав их беседу с Ян Цинли, он неспешно подошел ближе.

— Мастер, — с любопытством спросил Нин Ли, — неужели тот самый монах в свое время вел здесь великие споры о Дхарме?

— Именно так, — кивнул монах.

— И его познания в Учении действительно были столь глубоки? — вновь поинтересовался юноша.

Монах кротко улыбнулся.

В те годы принц Западного Фаня, Посилун, явился сюда, искушенный в сутрах. Он одного за другим одолел девятерых почтенных старцев храма Цзяньчу. Говорили, что даже мастер Уцань, любимый преемник настоятеля, уступил ему в споре. Но когда торжествующий чужеземец уже праздновал победу, триумф его обратился прахом.

— Дело не в глубине познаний, — мягко произнес монах, — а в чистоте разума.

Нин Ли мало что понял в этих словах. Он никогда не изучал буддийские каноны и редко заглядывал в священные книги.

Зато Ян Цинли, затаив дыхание слушавший это предание, восхищенно вздохнул:

— Должно быть, то был человек невероятной души! Какое величие, какая сила духа... Скажите, мастер, а тот монах все еще живет в храме Цзяньчу?

Монах медленно покачал головой и со вздохом ответил:

— Увы, он покинул этот мир много лет назад.

— Какая жалость... — вырвалось у Ян Цинли.

Весть о кончине столь незаурядного человека всегда приносит легкую грусть.

Заметив, что Нин Ли невольно погрузился в свои мысли и замер, Ян Цинли тихо спросил:

— А-Ли, о чем ты задумался?

— Мне почему-то... стало очень грустно, — едва слышно отозвался тот.

Выслушав его, монах лишь безмятежно улыбнулся.

— Он лишь раньше других узрел Чистую Землю и обрел вечный покой.

Он сотворил молитвенный жест и негромко призвал имя Будды, глядя на юношей светлым, умиротворенным взглядом. Почувствовав, что перед ними не простой послушник, Ян Цинли почтительно поклонился:

— Осмелюсь спросить, как зовут почтенного мастера?

— Имя этого нищего монаха... Уцань.

Если Нин Ли воспринял это имя спокойно, то его спутник буквально лишился дара речи.

— Так вы... мастер Уцань?! — пораженно воскликнул он.

Глядя на Нин Ли, который лишь недоуменно моргал, Ян Цинли едва сдержался, чтобы не топнуть ногой от досады. Ну как можно быть столь недогадливым? Перед ними стоял непосредственный свидетель и участник тех легендарных событий!

Но почему столь уважаемый, именитый наставник выглядит сейчас как нищенствующий странник, только что вернувшийся из долгих скитаний?

В этот момент слышались торопливые, размашистые шаги.

Сам гость еще не появился, но его звонкий голос уже разнесся по галерее:

— Старший брат! Наконец-то ты вернулся!

Из-за поворота выбежал другой монах. Лицо его так и светилось радостью при виде Уцаня, но стоило ему перевести взгляд на стоящего рядом юношу, как улыбка мгновенно погасла, сменившись крайним потрясением.

— Младший брат Гуйи!.. — выпалил он.

Голос его, подобный удару храмового колокола, дрожал от нескрываемого испуга и изумления.

Нин Ли встретился с ним взглядом. Это был круглолицый монах средних лет. Прежде они никогда не встречались, и лицо его показалось юноше совершенно чужим.

— Должно быть, почтенный мастер обознался? — качнул головой Нин Ли.

Монах осекся, на его лице отразилось смущение. Он неловко улыбнулся и закивал:

— Простите мне мою оплошность, грешного. И впрямь обознался, бес попутал.

— Познакомьтесь, это мой младший брат по вере, — с улыбкой представил его Уцань. — Его зовут Укуэй.

Услышав это, Нин Ли и Ян Цинли едва сдержали улыбки. Назвать одного наставника «Уцань» — стыдящийся, а другого «Укуэй» — Кающийся, да еще вкупе с их постоянными извинениями... Это было поистине забавно.

Закончив осмотр настенной живописи, мастера Уцань и Укуэй подозвали монастырского прислужника и велели проводить гостей в уединенную келью, чтобы те могли отдохнуть и подкрепиться монастырской трапезой.

День Лаба ласково грел землю, отбрасывая длинные, тонкие тени уходящих юношей. Когда они окончательно скрылись из виду, Укуэй тяжело вздохнул и негромко спросил:

— Старший брат, неужели этот отрок... молодой господин из клана Нин?

Уцань молча кивнул.

— Невероятное сходство, — прошептал Укуэй, качая головой. — Слишком похож...

Гостевая келья располагалась в глубине монастырского комплекса, вдали от главного святилища. Шум праздничной толпы сюда не долетал, уступая место блаженной тишине.

Послушник проводил гостей внутрь и вскоре вернулся с подносом, на котором исходил паром скромный обед и лежало несколько изысканных сладостей.

Ян Цинли попробовал угощение и со знанием дела кивнул:

— Да, здешняя кухня ничуть не уступает той, что в храме Фэнчун. Каждая хороша по-своему.

Одному мила утонченная простота, другому подавай сытную пряность. Повара храма Цзяньчу явно придерживались иных кулинарных традиций, нежели их братья из Фэнчун. Обычно такие изысканные блюда приходилось заказывать за много дней, но сегодня, благодаря покровительству великих мастеров Уцаня и Укуэя, на столе красовалось изобилие редких яств.

Гостям подали вегетарианскую ветчину, соевого цыпленка и искусственное ласточкино гнездо — кушанья, искусно имитирующие скоромную пищу. Рядом исходили ароматом традиционное рагу из восемнадцати ингредиентов «Роханчжай», нежнейшие побеги бамбука и ассорти из тушеных овощей «восемь сокровищ».

— Вид роскошный, спору нет, — заметил Ян Цинли, прожевав кусочек, — но все же пресновато. Души не хватает.

Нин Ли с усмешкой взглянул на него:

— Уж не велишь ли ты принести сюда пару кувшинов хмельного?

— Что ты, упаси Небеса! — замахал руками Ян Цинли. — Разве посмею я осквернить святую обитель вином? Я лишь загляделся на те дивные спелые плоды хурмы в саду. Вот бы сорвать парочку к чаю.

В ухоженном внутреннем дворике деревья подернулись серебристой изморозью, но на ветвях все еще алели крупные плоские плоды. Яркие, сочные, они покачивались на ветру, точь-в-точь новогодние фонарики.

— Ну так ступай и сорви, — поддразнил его Нин Ли.

Дело-то нехитрое.

В ту же секунду на пороге вновь появился прислужник. В руках он держал плетеную бамбуковую корзину, доверху наполненную круглыми глянцевыми плодами хурмы.

Нин Ли не удержался от смеха:

— Как по заказу! Стоило только подумать.

Послушник лишь растерянно почесал затылок, не понимая, над чем шутят благородные господа.

Ян Цинли поспешил вежливо его поблагодарить.

Сложив ладони в прощальном жесте, буддист удалился, пообещав ждать снаружи на случай, если гостям что-то понадобится. Судя по его торопливым шагам, он поспешил обслужить постояльцев в соседнем крыле.

— Да, — задумчиво протянул Ян Цинли, глядя ему вслед. — Похоже, сегодня здесь не протолкнуться от именитых гостей.

Утолив голод изысканными блюдами и отведав знаменитую храмовую похлебку «Полумесяц, тонущий в реке», Ян Цинли блаженно сощурился и сладко зевнул.

Нин Ли покосился на него:

— Сморил?

— А как иначе? — не стал отпираться тот. — Я ведь сегодня на ногах еще до рассвета, только чтобы разыскать тебя! Сил совсем не осталось.

— Ну так приляг, — Нин Ли указал на ширму в глубине комнаты. — Там есть теплая лежанка, отдохни немного.

— Только чур без меня никуда не уходить! — Ян Цинли потер слипающиеся глаза. — Ты обещал сходить со мной в павильон Вэньчана.

— Неужели тебе мало тех божеств, которым ты уже поклонился? — изумился Нин Ли. — Зачем тебе еще и покровитель наук?

— После новогодних праздников мне возвращаться к занятиям в Палате Почитания Литературы, — уныло забормотал Ян Цинли, устраиваясь поудобнее. — Если не заручиться поддержкой Владыки Вэньчана сейчас, то пиши пропало. Везет же тебе... Никаких императорских указов об учебе, живи себе в свое удовольствие.

Сон сморил его мгновенно — стоило лишь голове коснуться подушки. Нин Ли же сна не

чувствовал. Он тихо выскользнул во двор, ведомый смутным желанием отыскать ту старинную стену с фреской, которую они только что рассматривали.

Однако заветное место находилось в самом глухом углу монастыря, и тропинка к нему вилась столь причудливо, что юноша вскоре окончательно запутался в лабиринтах переходов и галерей.

II

Восьмой день двенадцатого лунного месяца (Праздник Лаба)

Восьмой день двенадцатого лунного месяца, праздник Лаба, издревле славился своими кулинарными традициями. По укоренившемуся обычаю в это утро из императорского дворца рассылали праздничную кашу «Лабачжоу» — знак особого благоволения государя к высшим сановникам, военачальникам и древним кланам.

Едва забрезжил рассвет, старый маркиз Ши уже сидел в парадном зале. Внешне он казался невозмутимым, но в душе его бушевала тревога.

Обычно усадьба Ши получала свою порцию в числе первых. За три года, что нынешний император восседал на троне, он ни разу не обделил вниманием семью своей матери. Но сегодня...

Недавний суровый выговор от монарха оставил глубокий след в сердце старого аристократа, породив гнетущий страх. Пальцы маркиза, сжимавшие фарфоровую чарочку с чаем, едва заметно подрагивали.

— До какого дома дошла императорская процессия? — не выдержав, спросил он у вернувшегося слуги.

— Посланники сейчас у ворот поместья гуна Суй, — почтительно доложил тот.

А это означало, что они миновали квартал Гуандэ.

Спустя некоторое время маркиз вновь подал голос:

— А теперь?

— Кашу доставили в дом гуна Тай.

Поместье гуна Тай находилось совсем близко от усадьбы маркиза Дунхая. По заведенному порядку, вслед за высшими герцогскими домами черед должен был дойти до них — первыми среди маркизов. Но когда очередной гонец переступил порог залы, сердце старого маркиза Ши болезненно сжалось.

Слуга замялся, страхась произнести хоть слово.

— Говори, — глухо приказал старик. — Кого одарили теперь?

— Вестники... вестники направились к маркизу Чанъяню.

— К Чанъяню... — эхом отозвался старик.

Прежде этот выскочка Чанъянь и мечтать не смел обойти их род! Его имя всегда стояло в самом конце списков благоволения. Но сейчас императорские слуги проехали мимо ворот поместья Дунхая, оставив его хозяев без заветной чаши праздничного угощения.

Ши Яньсюань, которой лишь недавно дозволили покидать свои покои после домашнего ареста, мягко коснулась плеча деда:

— Дедушка, быть может, стоит подождать еще немного?..

Лицо старого маркиза потемнело от гнева и обиды, но он все же заставил себя кивнуть:

— Да... Третья дева права. Нам нужно набраться терпения. Еще не все потеряно.

«Вдруг в пути возникла какая-то заминка? — силился утешить себя старик. — Быть может, императорские посланники вот-вот явятся?»

Но время шло. Солнце поднялось к зениту, заливая морозный день ослепительным светом, однако ворота поместья Дунхая так никто и не отворил. Лицо маркиза Ши сделалось серым и безжизненным. Праздничную кашу со двора государя развозили строго до полудня.

Видя, как дед угасает на глазах, Ши Яньсюань попыталась его утешить:

— Дедушка, право слово, это всего лишь миска сладкой каши. Стоит ли так убиваться из-за пустяка?

Старик лишь горько покачал головой, пряча взгляд.

Разве в еде было дело? Из этих мелочей складывалось отношение владыки поднебесной к своим подданным. Обойти их сегодня означало лишиться высочайшего доверия и отлучить от престола!

Поскольку юная дева выросла на далеком восточном побережье и почти не знала законов столичного двора, она искренне не понимала трагедии деда.

— Но дедушка, неужели эта стряпня столь драгоценна? Разве в нашей усадьбе перевелись припасы? Прикажите поварам, они сварят вам кашу в стократ лучше столичной.

Взглянув на прелестное, неопытное лицо внучки, маркиз Ши лишь тяжело вздохнул:

— Глупая ты... Это не просто еда, это воля Сына Неба. Твой брат Яньму сурово наказан и сослан обратно на восток. Прежде наш род никогда не подвергался столь демонстративному позору.

Неужели в столице мало праздных гуляк? Разве один лишь Ши Яньму совершал глупости?

«Неужели во всей столице один лишь Яньму ведет себя столь неподобающе?» — с тоской думал старый маркиз.

Да любой житель столицы рассмеялся бы в лицо тому, кто так утверждал! На соседней же улице сыновья почтенных министров с утра до ночи устраивали петушинные бои, проигрывали состояния и предавались блуду, однако император никогда не снисходил до личной кары для этих бездельников.

Государь вершил великие дела империи, и мелкие шалости избалованной молодежи его попросту не заботили. Но стоило оступиться Ши Яньму, как Его Величество мгновенно обратил на это взор и обрушил на нарушителя всю мощь своего праведного гнева.

— Но ведь кровь не вода, — возразила Ши Яньсюань. — В жилах Его Величества течет кровь нашего рода. Наша связь нерушима.

Услышав это, маркиз Ши ошеломленно воззрился на внучку. Он всегда считал Третью деву умной и проницательной, но сейчас она обнаружила опасное недопонимание вещей, рассуждая точь-в-точь как ее непутевый брат.

— Сань-нянь, запомни раз и навсегда: Его Величество носит фамилию Пэй, — жестко оборвал ее дед.

И, обессилев от собственных страхов, вновь горестно вздохнул.

— Думаю, Яньму погубил его собственный длинный язык, — добавил старик со злобой и раскаянием на лице.

«Откуда в этом дураке нашлось столько дерзости, чтобы прилюдно назвать Его Величество своим двоюродным братом? — у маркиза Ши перехватило дыхание от запоздалого гнева. — Разве на такое родство дозволено посягать простым подданным?»

Ши Яньсюань и прежде подозревала, что император, рожденный дочерью их клана, чуждается материнской родни. Но, судя по затравленному виду деда, у этой неприязни имелись куда более веские, пугающие причины. Если все обстояло именно так...

— Дедушка, — едва слышным шепотом спросила девушка, заглядывая ему в глаза, — скажи честно... во время борьбы за престолонаследие на кого сделал ставку наш род?

Вот где крылся корень зла. Призвав тех призраков прошлого, старый маркиз Ши ощутил, как его душу вновь заполняет жгучее, запоздалое раскаяние.

Ши Яньсюань внимательно следила за малейшими изменениями на его лице. Ее хрупкие пальцы скользнули вверх, безмолвно указывая на небеса, а в глазах застыл немой вопрос.

Но старик лишь медленно, с трудом покачал головой в ответ.

— О Небеса!.. — вырвалось у нее.

Увиденное потрясло девушку до глубины души. Вне себя от изумления, она неловко взмахнула широким шелковым рукавом и задела стоявшую на столике фарфоровую вазу.

— Госпожа? — тут же раздался из-за двери встревоженный голос служанки. — У вас что-то упало? Мне войти прибраться?

— Не нужно! — резко бросила Ши Яньсюань, стараясь придать голосу твердость. — Я позову, когда потребуется.

Она и помыслить не могла, что услышит сегодня столь чудовищную, ошеломляющую правду.

— Дедушка... — Ее голос стал сиплым от волнения. Она медленно подняла руку и показала один палец.

Старый маркиз Ши со стоном закрыл глаза и тяжело, сокрушенно кивнул.

За окном сияло пронзительно-голубое зимнее небо, редкое для этого времени года. Но в запертом покое, несмотря на жарко пылающие угли, воздух казался ледяным, скованным невидимой стужей.

Губы девушки задрожали. Шок лишил ее способности рассуждать здраво.

Старшим среди сыновей Верховного императора был первый принц. Князь Ци! Дитя бывшей наложницы Ши, которая позже взошла на трон под именем Младшей императрицы.

— Дедушка... — только и смогла прошептать она.

Голова шла кругом от осознания масштаба катастрофы. Но почему князь Ци? А с другой стороны — почему бы и нет?

Его матерью была родная сестра покойной Первой императрицы, чистокровная представительница рода Ши. Сам князь Ци, первенец государя, с юных лет отличался выдающимся умом и пользовался безграничной любовью венценосного отца.

В те мрачные времена, когда наследники вели тайную и беспощадную войну за престол, двор тонул в интригах. Кому, как не родному племяннику, должен был присягнуть влиятельный клан Ши?

Насколько помнила Яньсюань, прежний наследный принц вел затворническую жизнь. Шептались, будто он неизлечимо болен и слаб телом, отчего безвыездно пребывал в загородных покоях. В то же время князь Ци блистал при дворе и постоянно заслуживал похвалу августейшего отца. А когда Старшая императрица Ши отошла в мир иной, его родная мать унаследовала статус государыни. С какой стороны ни посмотри, князь Ци казался безупречным преемником.

При таких обстоятельствах трудно было вообразить иную участь. Даже сейчас Ши Яньсюань не могла найти ни единой причины, по которой их клан должен был отказаться от союза с князем Ци.

— Но ведь титул наследника престола уже принадлежал другому, — растерянно промолвила она.

— Утвержденный титул? В борьбе за власть это пустой звук, — глухо отозвался дед. Скрывать правду более не имело смысла, и он заговорил без утайки. — В те годы великий прорицатель тайно поведал нам: прежний наследник обречен. Звезды сулили ему скорую смерть.

Эта тайна долгие годы лежала неподъемным бременем на сердце старого маркиза, и он никогда прежде не решался облечь ее в слова.

Вот почему Верховный император не питал надежд на преемника и столь безжалостно растаптывал его достоинство. Даже клан Ши долго колебался, не решаясь открыто поддержать князя Ци, пока их сомнения не развеял один безжалостный приговор:

«Нынешний наследник едва ли доживет до совершеннолетия».

<http://bllate.org/book/20087/2001858>